

Пасынки государства

*В декабре должна решиться
судьба Института детской ортопедии*

На первый взгляд, в институте имени Г.И.Турнера ничего не изменилось. Так же по утрам сестра собирает детей на операцию, так же тихо плачут в платочек на лестничных клетках мамы, пока их дети лежат на операционном столе, а сосредоточенные хирурги обсуждают детали предстоящей или уже прошедшей схватки с недугом...

В последние годы во дворе института можно встретить не только людей в белых халатах, снующих между корпусами, но и в спецовках. Рядом со старинными двух-трехэтажными зданиями уже возвысился новый многоэтажный корпус, ввод в действие которого резко изменил бы к лучшему жизнь больных. Там сейчас тоже работают строители. Правда, сказать, что дело идет бурными темпами, никак нельзя...

Но и это — обычно...

И все же тревога словно витает в воздухе, прорываясь в разговорах, невольных фразах, телефонных звонках. В последние дни из стен института в разные высокие инстанции полетели письма — от сотрудников и от мам. Матери встревожены особенно. Если сотрудников ликвидация института ставит перед проблемами трудоустройства, то для матерей — это вопрос выживания их детей. А это — 70 процентов больных, лечащихся в институтской клинике.

За год их бывает не так уж мало — 2000. Более чем 15 000 детей с тяжелыми и сложными патологиями двигательного аппарата здесь оказывают помощь, которая превращает их из маленьких уродцев в нормальных

мальчиков и девочек. Сюда попадают те, кому больше нигде не могут помочь, от которых отказались все остальные врачи. Каждый ребенок, поступающий сюда, — в своем роде уникален. Здесь можно встретить детей, у которых вместо стоп бесформенные култышки или, наоборот, — пальцы на ногах неимоверно длинные и растопырены во все стороны. Или руки-рукавички: большой палец в стороне, а все остальные — словно слиплись. Есть дети, которые ходят на цыпочках и чьи ноги так искривлены, что вообще непонятно, как они их переставляют. Сотрудники института, конечно, ничему не удивляются. Они ищут возможность помочь — вот и все. Нет, пожалуй, все-таки одному удивляются: тому, что таких детей становится с каждым годом все больше. И сам характер патологий становится все изощренней и сложней.

Сейчас в институте действуют одиннадцать отделений. Например, отделение для детей с детским церебральным параличом — единственное в стране. Много всяких больниц, реабилитационных центров оказывают помощь детям с ДЦП. Но нейроортопедическую помощь они получают только здесь. Это значит, что только здесь их скрюченные ноги и руки при помощи операций и жесточайшей разработки делают прямыми. И все это — под контролем опытных невроортопедов. Ведь именно из-за поражения центральной нервной системы обычные специалисты-ортопеды отказываются их лечить.

(Окончание на 2-й стр.)

Восперущий! Температуре
40 ден. 9 б

Пасынки государства

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

В отличие от всех прочих республиканских центров, Институт Турнера до последнего времени упорно боролся за сохранение статуса бесплатного. В этом не только гуманность позиции его коллектива, но и насущная необходимость. Если лечение в институте станет платным, его корпуса (не говоря уже о новом), всегда заполненные до отказа, заметно опустеют. Именно те родители, дети которых сюда попадают, менее всего способны оплатить дорогое лечение. Мамы детей-инвалидов, как правило, не могут работать и живут с ребенком на его пенсию да на свое жалкое пособие по уходу за ним. А папы... Многие из них, увы, не обременяют себя заботами о своих неудавшихся детях.

Но сегодня всех волнует даже не введение платы за лечение и содержание ребенка. Речь идет о том, быть Институту Турнера или не быть.

Генрих Иванович Турнер, англичанин по происхождению, был замечательным человеком. В 1900 году им основана первая в стране клиника ортопедии. В это время Турнер уже несколько лет работал консультантом в приюте для малолетних калек и паралитиков, который открыл в Питере "Синий крест" (благотворительное общество помощи инвалидам).

В 1907 году на всероссийском съезде хирургов он заявил, что, к великому стыду русского правительства, ни в одной столице мира нет столько калеченых детей, как в Петербурге. (Кто сейчас способен на это?) С самого начала он видел помощь больному ребенку не только в организации приюта, но и в создании системы, сочетающей ортопедическое лечение с воспитанием, образованием и обучением. Основы социальной реабилитации детей-инвалидов в нашей стране заложил именно профессор Турнер. Кстати, его активно поддерживала царская семья. На дверях приюта в те времена висела такая табличка: "Приют детей-калек и паралитиков Василеостровского отдела Общества попечения о бедных и больных детях, состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Маврикиевны".

В городе выстроили приют, который постепенно превращался в лечебно-реабилитационный центр. Ему принадлежали большое

Фото Валентина Голубовского

семиэтажное здание на Лахтинской и даже церковь. В ней после революции долгое время находился зал лечебной физкультуры. (До тех пор, пока бывший директор института не сдал ее Северному торговому банку. Банк, как известно, благополучно прогорел.)

Мечтам профессора Турнера не суждено было сбыться. Система лечебно-социальной помощи детям-инвалидам с поражениями опорно-двигательной системы при советской власти, конечно, не могла быть создана. Но институту эта власть развиваться не мешала.

До 1941 года институтом руководил сам Турнер. Потом — его ученики. Всегда, при всех обстоятельствах они сохраняли свое высокое предназначение

служения больным детям.

Кому и почему пришло в голову ликвидировать институт?

Рьяным сторонником этой идеи является заместитель министра здравоохранения В.Н.Шабалин. Он считает, и совершенно откровенно заявляет об этом, что в стране абсолютно не нужны два ортопедических института — имени Вредена и имени Турнера, словно не замечая, что первый институт занимается ортопедическими проблемами взрослых. Он и ориентирован больше на травматологию. Многие научные направления "детского" института ему не интересны, не нужны, не свойственны. Там другая школа, другие подходы, другая специфика. Превращать Институт Турнера в не-

большое отделение Вредена или даже филиал — все равно что соединить взрослую и детскую больницы, вуз и школу.

Даже финансовыми трудностями нельзя оправдать это недальновидное решение. Тем более что финансовые трудности Минздрава, судя по данным Счетной палаты Российской Федерации, значительно преувеличены (о чем сообщили "Известия" от 14 ноября). Оказывается, бюджетные средства отпущены ему в 1996 году почти в полном объеме — на 93 процента. Минздрав же упорно распускает слухи, что здравоохранение финансируется только на 43 процента. При этом 150 миллиардов лежат на его счету неиспользованными, а треть всех средств исчезла неизвестно куда. Особенно потрясает такой факт: Минздрав выделил неизвестному Брынцалову 32 миллиарда на приобретение лекарств за границей. Тот, естественно, приобрел их и продал вдвое-втрое дороже. От полученного дохода нашим бедным больным соотечественникам не досталось ничего. Сами деньги, на которые в течение года можно было с головой обеспечить два института Турнера, продолжают крутиться в коммерческих структурах.

Увы, сейчас не время Турнеров. Кому они нужны с их самоотверженностью и большой совестью?

В конце декабря Санкт-Петербург узнает, как решится судьба института, которым всегда гордился город на Неве. На этот месяц назначена министерская коллегия.

Но коллектив института и мамы больных детей настроены решительно.

— Мы отсюда не уйдем, какое бы решение в министерстве, ни приняли, — говорит главный врач Борис Иванович Орешков, — Будем стоять до конца.

Так что Петербург в ближайшее время может стать свидетелем совсем уж необычной войны: государство против детей-инвалидов и их защитников — врачей и родителей.

Кто кого?

Татьяна Быба

P.S. Когда материал уже готовился к печати, пришла в редакцию страшная весть — на 58-м году жизни скоропостижно скончался директор Института имени Г.И. Турнера, доктор медицинских наук, профессор Егор Селиверстович Тихоненков. Неужели эта смерть — начало конца и самого института? Этого просто не может быть.

Вечерний Петербург
1996 г. — 19 дек.